

Марш окончен. Большая, изурительная дорога позади. Бойцы из пополнения шли трактами, проселочными дорогами, лесными тропинками, дружно карабкались на попутные машины, и все равно это называлось, как в старину, маршем. Солдаты успели перепачкать новое обмундирование, пропотеть насквозь и начисто съесть харчишки, выданные на дорогу. И все-таки до передовой добрались. Лежат в логу на щетиистой, запыленной траве и прислушиваются; кто озирается при каждом выстреле или разрыве, а кто делает безразличный вид. Разговоры все больше на одну тему: дадут или нет сегодня поесть? Единодушно решают; должны дать, потому как здесь уже передовая и кормежка не то, что в запасном полку, и забота о человеке совсем другая. «Тертые» солдаты, те, что попали в пополнение из госпиталей, многозначительно ухмыляются, слушая эти разговоры, и на всякий случай изучают местность: нет ли поблизости картофельного поля. Они-то знают, что на старшину нужно надеяться, однако и самому плошать не следует.

А передовая рядом. Вздрагивает земля от взрывов, хлещут пулеметные очереди, и нет-нет да и вспыхивает суматошная перестрелка. Бегают связисты с катушками, лениво ковыляют беспризорные лошади, урчат машины в логу. А вот и раненый появился. Спускается в лог, опираясь на палочку. Идет он в одном ботинке. К раненой ноге поверх бинта прикручена телефонным проводом

портянка. Аккуратно свернутая обмотка в кармане. Ненужный пока ботинок за шнурок подвешен к стволу винтовки.

– Привет, славяне! – бодро выкрикивает фронтовик и указывает палкой на ногу: – Покудова отвоевался, а что дальше будет, увидим. Табачком богаты?

Все разом полезли за кисетами. Но солдат с крупным, чуть рябоватым лицом успел раньше других сунуть свой кисет раненому. Тот неторопливо опустился на землю, поморщился и начал скручивать сигарку. Рябоватый боец с робостью и уважением следил за раненым, хотел о чем-то спросить, но не решался.

– Так это уже война? – наконец спросил он.

Раненый с форсом прикурил от трофейной зажигалки, убрал ее в карман и, выпустив клуб дыма, сказал:

– Она самая, – и махнул рукой через плечо: – Передок метрах в трехстах. Ну я, братцы мои, пойду, а то не ровен час накроют. Вы тут развалились – ни окопчика у вас, ни щелки. Еще отшибут вторую ногу, и придется мне на карачках до санроты добираться...

Раненый поковылял дальше. Боец, тот, что дал ему закурить, провожал раненого взглядом до тех пор, пока тот не скрылся за ближней высотой. Лицо солдата сделалось печальным.

Вдруг раздалась команда – все вскочили, поправляя на ходу ремни, попытались выстроиться.

– Вольно! Всем сидеть! – разрешил черноватый лейтенант с

усталыми глазами и сам присел на катушку кабеля, которую ему услужливо подсунул связист.

И лейтенант, и связист появились как-то неожиданно, словно из-под земли.

– Не ели сегодня? – поинтересовался лейтенант и сам себе ответил: – Не ели... Ну ничего, думаю, вечером нам кое-что подбросят, – утешил он и принялся расспрашивать: кто откуда, воевал ли прежде, чем занимался до войны, большая ли семья, и тут же записывал фамилии в блокнот и распределял людей по отделениям.

Рябоватый солдат сразу же попался на глаза лейтенанту. Простоватое лицо солдата с реденькими бровками расплылось в широкой улыбке, а добродушные серые глаза смотрели на лейтенанта так, будто он давно-давно знаком с ним и вот, наконец-то, встретился. Лейтенант не мог не ответить на эту улыбку – столько в ней было доверчивого и дружеского – и внимательней пригляделся к этому солдату.

Пилотка, еще новая, уже успела потерять свою форму и напоминала капустный лист, пряжка ремня сбилась набок, гимнастерка вся была в мазутных пятнах.

– Ну и вид у вас! – шутливо проговорил лейтенант. – Попортили здорово вы, наверное, крови старшине в запасном полку...

– Всякое бывало, товарищ лейтенант.

– Фамилия?

– Савинцев моя фамилия. Матвей Савинцев. Я с Алтая. Может, слышали, деревня Каменушка есть недалеко от Тогула, так из нее.

– Нет, не слышал, товарищ Савинцев. Много деревень у нас в стране.

– Наша деревня особенная! – Савинцев оглянулся по сторонам, долго молчал, как будто подыскивая сравнение и не найдя его, со вздохом закончил: – Всем деревням – деревня!

– По его рассказам выходит, товарищ лейтенант, что Каменушка – почти город, только в ней дома пониже да асфальт пожиже, – раздался голос из группы бойцов. Все сдержанно рассмеялись и сейчас же выжидательно замолкли.

– Куда же мне вас определить? – покусал губу лейтенант, все еще меряя взглядом крупную фигуру бойца.

– Я – человек неизбалованный, – с готовностью отозвался Матвей. – Куда пошлете, туда и пойду. Может, сомнение есть насчет моего старанья, так для проверки пошлите туда, где работы побольше.

Лейтенант подумал еще и решительно произнес:

– В мой взвод, к связистам! У нас работы бывает всегда много.

...И попал Савинцев в боевую семью «паутинщиков», как прозвали связистов на фронте. Покладистый, домовитый характер, готовность прийти каждому на помощь и ненадоедая словоохотливость помогли ему как-то незаметно сойтись с фронтовиками. Те с первого дня стали попросту звать его Мотей, даром что был он отцом семейства, да и не маленького. Уж очень шло ему это имя: и теплота в нем была, и улыбка необходимая.

Тонкости, которых много в боевой работе телефонистов, давались Матвеем туго. Впрочем, все в жизни давалось ему с трудом, поэтому он не падал духом, когда у него что-нибудь не получалось. Но уж если он что усваивал,

то навсегда. Было дело, ездил он четыре года прицепщиком, дважды учился на курсах, прежде чем ему доверили управлять трактором. И как же удивились связисты, когда им стало известно, что был он знатным трактористом и про него даже в газете писали. Ну, расспросы, конечно, как да что, а Матвей только отмахивался:

– Какой там знатный! Мало сейчас нашего брата в колхозах, вот и стали мы все там знатные.

В тихие вечера, когда война как-то сама собой забывалась и душа человеческая тоже сама собой настраивалась на мирный лад, Матвей рассказывал о своей родной Каменушке. Слушали его с удовольствием. Наносило издали то запахом родных лугов, то девичьей песней, то парным молоком, то дымком бани, в которой так хорошо попариться, придя с пашни. Простая жизнь, обыденные дела вставали в новой красоте. Раньше-то ее ни замечать, ни ценить не умели – все шло само по себе, все было как надо, и вот...

Иной раз Матвей доставал фотокарточку из кожаного, должно быть, доставшегося по наследству бумажника, подолгу рассматривал ее. На снимке был сам он с неестественно напряженным лицом, рядом жена с ребенком на руках, а впереди два мальчика. У меньшего удивленно открыт рот, а старший, насупив брови, цепко держит в руках книгу.

– Школьник! – с гордостью говорил Матвей товарищам. – В четвертую группу зимусь ходил. И второй нынче тоже пойдет. Одежонку всем надо, катанки, книжки. Заботы-то сколько Пелагее, заботы! – И примолкнет Матвей, задумается, а то и выдохнет: – Что-то они сейчас поделывают?

– Чай, небось, пьют, – поддразнит кто-нибудь из солдат.

– Что? Чай? – удивляется Матвей и с возмущением разносит простака, не имеющего понятия о деревенской жизни.

– Да знаешь ли ты, голова-два уха, что сейчас уборочная началась, одни бабы хлеб-то убирают. Не до чаев им, в тридцатом поту бьются... Вот приезжай после войны в это время к нам – почаевничаешь.

Матвею разясняли, что есть разница во времени: если здесь, на Украине, вечер, то на Алтае уже ночь, и вполне возможно, что колхозницы и балуются чайком после трудового дня.

– Может, и так, только я спать ложусь вместе со своими и встаю тоже вместе... не могу отделиться, – говорил Матвей тихим голосом, глядя поверх солдатских голов, и на этом споры прекращались. Не о чем было спорить. Родной край, своя деревня, свой дом всегда и всюду с солдатом – они врастают в его сердце навечно.

А война бушевала, и враг катился с Украины к границе.

Вроде бы и неповоротливый мужик Савинцев, да и не очень сообразительный, но дело свое исполнял старательно. Рыскал по линии, исправлял порывы, сматывал и разматывал провода, лежал под разрывами и, выковыряв землю из ушей и носа, бежал дальше. Конечно, как и всякий связист, он что-то изобретал, приспособлялся к обстановке – иначе на войне нельзя. Война – это не только выстрелы, это очень много работы, порой непосильной работы. И побеждает на войне тот, кто умеет работать, кто умеет порой сделать то, что в другое время казалось выше всяких сил.

Матвей работал. Он первый стал перерезать нитку связи планкой карабина, зачищать провод зубами, обходиться в случае нужды без заземления. Но на фронте все изобретают, каждый час, каждую минуту изобретают, и этому никто не удивляется. Главное, чтоб польза была. Связист, к примеру, исправляет линию чаще всего один, телефонисты клянут его, ругают, а когда провода соединят – тут же забудут о связисте, и дела им нет до того, что он там придумал, как изловчился под огнем наладить линию. Пожалуй, не было на войне более неблагодарной и хлопотной работы, чем работа связиста. Можно ручаться, что матюков и осколков связисты получили больше, чем наград.

Но война есть война. На ней все равно найдется такое место, где человек окажется виден во весь рост.

Однажды часть Матвея Савинцева попала под деревню Михайловку. На свете таких Михайловок, наверное, сотни, и едва ли эта была какой-нибудь особенной. Обыкновенная украинская деревня с белеными хатами, на хатах гнезда аистов, возле хат богатые огороды и сады, на улицах колодцы с журавлями. И расположена деревня по-обычному – поближе к ручью, на пологом склоне. За деревней – возвышенность, удобная для обороны. Немцы и уцепились за нее.

Заняв с ходу Михайловку, пехотинцы атаковали высоту, но атака не удалась. Подтянули свои огневые средства пехотинцы, пальнули – и это не помогло. День, второй прошел – ни с места. Встречались пехотинцам горы, перевалы и широкие реки. Одолевали их, шли без задержек, а туг из-за неболь-

шого холмика такие дела разгорелись, что дым коромыслом. Иному Эльбрусу, может, во веки вечные не видать такой страсти и не удостоиться такого внимания, какое выпало на долю этого бугорка. И большие, и маленькие командиры обвели его на карте и красными, и синими кружочками. Подтянулись к Михайловке минометчики, артиллерия, танки. Высоту измолотили так, что до сих пор, наверное, пахать ее из-за металла невозможно.

Но нашла коса на камень. Не отступает противник и, мало того, норовит атаковать. Ночью фашисты заняли два дома на краю деревни. Саперы, что квартировали в них, еле ноги унесли. Эти два дома саперный начальник, пожалуй, и по сей день помнит. Утром ему же вместе с его «орлами» пришлось их отбивать. Одним саперам, конечно, не справиться было бы, и дали им в поддержку артиллерию. Тот же лейтенант, что встречал солдат из пополнения, отправился с разведчиком и связистом к саперам, чтобы завтра корректировать огонь и держать непосредственную связь с теми, кто будет атаковать высоту.

В темноте, кое-где рассекаемой струями трассирующих пуль, связисты потянули линию на передовую.

– Стой, ребята! – раздался из темноты голос разведчика, шедшего впереди. – Тут болото. Не пройдешь... Надо вниз, по ручью, там есть бетонная труба, что-то вроде мостика, через нее и пойдем.

...Утром закурился над землей какой-то робкий, застенчивый туман и быстро заполз в лога, пал тихую росой на траву. И роса была какая-то пугливая. Капли ее чуть серебрились и тут же гасли. И все-

таки роса смыла пыль с травы, и когда из-за окоема, над которым все еще не рассеялся дым от вчерашних пожаров, поднялось солнце, – брызнули, рассыпались мелкие искры по полям, и в деревенских садах да в реденьких ветлах, что прижились у ручейка, зятянутого ряской, защебетали пичужки, сыпанули трелями соловьи. Диво дивное! Как они уцелели? Как они не умерли со страха, эти громкоголосые песельники с маленькими сердцами? Поют – и только! Поют как ни в чем не бывало. И солнце, страдное, утомленное солнце светит так же, как светило в мирные дни над полями – с едва ощутимой ласковостью утром и с ярым зноем к полудню.

Страда наступила, страда...

Но вот справа, далеко за Михайловкой, булькнул, как булыжник в тихий омут, минометный выстрел. С минуту было тихо, а потом разом рванули прилетевшие с той стороны снаряды, и пошло! Заухало, загудело кругом. Канули, потонули в грохоте птичьих голосишки, и дымом заслонило спокойное, страдное солнце.

Боевой день начался.

Трижды бросались в атаку саперы и трижды с руганью и запыленной пальбой убегали в пыльные подсолнухи. А саперный начальник, страдающий одышкой, стрелял для страха из пистолета вверх и крыл их самыми непотребными словами. В конце концов два дома, потерянные саперами, остались существовать только на картах и артиллерийских схемах. Саперам достались только груды кирпича да погреб со сгнившим срубом.

Передовой пункт артиллеристов перебрался в пехотный батальон.

Дела здесь шли пока тоже неважно. После артподготовки пехотинцы по сжатому полю с трудом добрались до половины высоты и залегли. Горячая работа закипела у артиллеристов. Пехота просит подбросить огня туда, подбросить сюда. Сделано. Подавить минометную батарею. Вот и она заглохла. Мешает продвижению закопанный на горе танк – отпустить ему порцию! Есть! Уничтожить пулеметную точку! Крой, артиллерия, разворачивайся, на ты и бог войны!

Оборвалась связь... Телефонист Коля Зверев, молодой, вертлявый и, по мнению всех связистов, самый непутевый паренек, то и дело нажимая клапан трубки, звал хриплым голосом:

«Промежуточная! Промежуточная! Мотя! Мотя! Савинцев!..» Коля ерзал как на иголках, смотрел на хмурого лейтенанта винтоватыми глазами.

Нет никчемней человека, чем телефонист без связи: он глух, нем и никому не нужен. Но вот, наконец-то, голос запыхавшегося Савинцева:

– «Заря», говорите с «Москвой».

– Добро, Мотя, отключайся!

Вскоре, осыпав комья земли, в проход блиндажа втиснулась мешковатая фигура Матвея. Он вытер пот рукавом и сказал:

– Здорово живем! Ох и дает фриц прикурить... Возле мостика уж несколько человек убито, кое-как в обход проскочил.

Матвей помялся, виновато кашлянул и глухо добавил:

– Я попутно нес вам, ребята, перекусить... с командного передали...

– И пролил, – сердито перебил разведчик, глядя на пустой котелок и флягу.

– Да нет... в огороде, что саперы отбили, наткнулся на картофельную яму, а в ней женщина с ребятишками. Ни живы, ни мертвы и третий день не евши. Ну и... что хотите делайте... Солдатам не впервой, а там ребяточки, сердешные...

У разведчика потептели глаза, он улыбнулся потрескавшимися губами и без осуждения сказал:

– Эх ты, Мотя, разудала голова!

Ободренный тоном разведчика, Матвей достал из кармана горсть белолобых огурчиков и засуетился:

– Вот, братцы, покудова заморите маленько червячка. Огурец – штука полезная: в нем и еда, и вода. Если не обед, так водыто я уж все одно добуду. Хотел в ручье набрать, а там вода-то горе, лягушки одни. Эх, у нас, на Алтае, водичка в ручьях – студеноястуденая...

В блиндаж вошел лейтенант. По лицу его струился пот, оставляя грязные потеки. Выслав вместо себя разведчика, он опустился около телефонного аппарата на землю, облегченно выдохнул:

– Ну и жара!.. Как, Савинцев, линия?

– В порядке пока. На промежуточной напарник остался.

Лейтенант пристроил на коленях планшетку, разложил на ней карту и вызвал командный пункт, который по телефонному коду именовался «Москвой».

– У аппарата двадцать четвертый. Обстановка такова: пехота добралась до середины высоты, но залегла. Нужно подавить огневые точки противника, мешают они пехоте. Ну, и сопровождающего огонька подбросить. Передаю координаты... Алло! Товарищ пятый!.. Черт бы побрал эту связь, рвется, когда особенно нужна! –

лейтенант сердито швырнул умолкнувшую трубку.

Матвея как ветром выдуло из блиндажа. Не чувствуя сrostков, царапавших ладонь, он бежал по линии, лавируя между бабками. Ближе к ручью их не было, и Матвей пополз.

С той стороны по линии к ручью тоже бежал боец. Матвей узнал своего напарника. Недалеко от мостика связист, будто споткнувшись, взмахнул руками и упал.

«Снайпер!» – мелькнула догадка у Матвея. И он закричал:

– Не шевелись! Добьет! Не шевелись, лежи!

Около упавшего связиста взвилось несколько пыльных струек, и он перестал двигаться.

– Ах, душегуб проклятый! – стиснул зубы Матвей. – Доконал ведь человека. И тех вон ребят у мостика тоже срезал!..

Как всегда в трудную минуту, Матвей стал держать с собой совет.

«Так, значит, фрицы перебили связь на трубе и теперь, как на удочку, ловят нашего брата. Снайпера посадили. Хитры сволочи! Надо посообразать, а то и связи не исправишь, и на тот свет загремишь!»

Он осторожно отполз, подключил аппарат и услышал нетерпеливый голос лейтенанта:

– Двадцать четвертый слушает... А, это ты, Савинцев? Что там у тебя?

– И не говорите, товарищ двадцать четвертый. Снайпер у трубы кладет нашего брата. Напарника вон...

– Та-ак, – послышался тяжелый вздох лейтенанта. – А связь, Савинцев, нужна... До зарезу! Понимаешь?

– Да как же не понимать, не маленький. Ну-к я поползу...

– Постой, Савинцев... – лейтенант замолк, только глубокое дыхание, приглушенное расстоянием, слышалось в трубке.

О чем ты задумался, молодой командир? Многое пережил ты, много видел смертей, сам ходишь рядом со смертью, а все еще чувствуешь себя виноватым, когда посылаешь бойца туда, откуда он может не вернуться. Так же, как и в первый раз, сжимается твое сердце, будто отрывается от него что-то с болью. Может быть, увидел ты деревянную Каменушку и жительницу этой Каменушки, которая вместо запятого окопной глиной письма получит коротенькую бумажку и забьется в неутешном горе, запиричит громко, по-деревенски. И встанут около нее трое простоволосых ребятишек, которым и не понять сразу, отчего и почему где-то далеко-далеко послал на смерть их отца один человек и после победы отец не приедет с обещанными гостинцами...

В трубку было слышно, как шевельнулся лейтенант, кашлянул и тверже произнес:

– Связь нужна! – А потом скороговоркой, как будто недовольно, буркнул: – Да поосторожней там!

Отключив аппарат, Матвей призадумался: смерть-то не тетка. Пошарил глазами вокруг себя, отыскивая место, по которому удобней пробраться к ручью. Метрах в двухстах от трубы росли низкие кусты ивняка, спускаясь к самой осоке, разросшейся по краям ручья. Ободряя себя, Матвей сказал: «Живем пока» – и пополз.

Осторожно раздвинув осоку, Матвей оказался в грязном русле ручья. Руки по локоть ушли в вязкий ил, ползти было трудно, но он

упорно двигался к трубе, время от времени делая передышку и сплевывая вонючую воду. Берег ручья и осока скрывали его от глаз снайпера, но Матвей боялся, чтобы тот не заметил провода, пригибающего осоку.

Вот и труба. Матвей ногами вперед залез в нее.

По дну бетонной трубы лениво сочилась струйка позеленевшей воды. Матвей, лежа на животе, вывинтил из карабина шомпол и, пользуясь трещиной в трубе, загнул его крючком. Полюбовавшись своей работой, он привязал крючок к проводу.

– А ну-ка, кто кого объегорит?

Немного высунувшись, Матвей забросил шомпол на верх трубы и потянул. Что-то зацепилось. Он дернул посильней, крючок слетел, и несколько оборванных проводов повисло с края трубы.

– Толково! Дело идет! Еще разок!

Чиркнула разрывная пуля...

– А наплевал я на тебя! – приговаривал Матвей, втягивая поглубже в трубу «зарыбаченные» провода.

Свой провод он сыскал сразу. Провод был трофейный, красный. Почему-то командир отделения связи обожал все трофейное и постепенно заменил весь русский провод на катушках немецким и был этим весьма доволен.

– Вот он! – удовлетворенно отметил Матвей и вдруг подумал вслух: – Небось, из-за этого красного кабеля они и связь-то перебили? Ну, конечно, его издаля видно. Ох уж этот сержант наш. Ему бы дерьмо, да чужое. Ну, погоди, выберусь отсюда, всю эту трофейщину к лешакам повыкидаю и сержанта отлаю, – рассуждая так, Матвей подключал соединенные концы к аппарату.

– «Заря»!.. «Заря»!..

– Савинцев, ты? – раздался обрадованный голос лейтенанта. – Добрался? Ну, ладно. Благодарю! – Служу Советскому Союзу! – радостно ответил Матвей, по привычке привскочив, но так стукнулся затылком, что в глазах потемнело. Услышав, как лейтенант стал передавать координаты на «Москву», Матвей не стал громко ругаться, а потер шишку и вполголоса запел, продолжая разбирать и зачищать провода:

«Оте-е-ц мой был природный пахарь,

И я рабо-отал вместе с ним...»

Присоединив конец другого провода, он прижал плечом трубку к уху. Женский усталый голос с тихой безнадежностью звал:

– «Луна»... «Луна»... «Луна»...

– Але, девушка, вы кого вызываете?

– А это кто?

– Это связист Савинцев!

– Ой, я такого не знаю. Как вы попали на нашу линию? Отключайтесь, не мешайте работать!

– А чего мне мешать-то, когда линия ваша не работает, – добродушно усмехнулся Матвей. – Говорите лучше, кого надо, может, помогу вашему горю. Да не посылайте связистов к трубе – снайпер тут подкарауливает.

– «Луну» мне нужно, товарищ связист, поищите, пожалуйста.

– На луну пока еще линия не протянута, уж что после войны будет, а покамест говорите фамилию тутошнего связиста, – пошутил Матвей, отыскивая подходящий провод.

– Голыба – фамилия, Голыба, ищите скорей. Матвей присоединил провод и начал вызывать «Луну».

– Кто це просыть «Луну»?

– Да тут девушка по тебе заскучалась, – соединяю, – Матвей соединил концы проводов, а когда взял трубку, по линии уже разговаривали:

– Какой-то незнакомый связист Савинцев порыв исправил.

– Алло! Товарищ Савинцев?

Матвей нажал клапан:

– Ну я, чего еще вам?

– Широ дякую вас, товарищ!

– За что?

– Та за линию. Чужую ведь линию вы зрастили и такую помогу нам зробыли...

– По эту сторону фронта у нас вроде нет чужих линий...

Но вот все концы, попавшие Матвею на крючок, сращены. Снова ожили линии, пошла по ним работа. А Матвей томился от безделья, зная, что незаметно улизнуть ему отсюда не удастся. Лежать неудобно – под животом вода. Весь мокрый, грязный, смотрит он на край деревни, видимый из трубы. Горят дома. Пылища мешается с дымом. Наносит горелым хлебом. Огороды сплошь испятнаны воронками. Сады перепоясаны окопами. И трубы, голые трубы всюду. А солнце печет, и дышать трудно. Щекочет в ноздрях, душит в горле.

«Хм, чудак этот Голыба! Чудак. Все свое, все, и за эту вот девушку, как за родную Каменушку, душа болит. Зачем ее так? Зачем людей чужеземцы позорили? Что им тут надо?..»

Ухнули орудия, и где-то вверху невидимые пролетели снаряды и с приглушенным стоном обрушились на высоту за деревней.

«Наши бьют!» – отметил Матвей.

Он умел по звуку отличать полет своих снарядов так же, как до войны определял на рассто-

нии рокот своего трактора. На высоте, которую Матвею не было видно, часто затрещали пулеметы, рывкнули минометные разрывы, захлопали гранаты...

«Пошла пехота! – опять отметил Матвей. – Может, я под шумок сметаюсь?» Он взял трубку:

– «Заря», как там у вас?

– Порядочек! Вперед наши пошли. Огневики что делают! Вышли «тигры» да бронетранспортеры. Артиллеристы так их лягнули, что потроха полетели.

– Значит, дела идут, контора пишет?..

– Пишет, пишет!.. Да ты откуда говоришь? – спохватился Коля Зверев.

– Не говори, сынок, в таких хоромах нахожусь, что и дыхнуть нет возможности. Перемазался так, что мать родная не узнает.

– Да где ты, чего голову морочишь?

– Где-где... В трубе, что заместо мостика приспособлена. Вот где, и вылезти снайпер не дает.

– Двадцать четвертый пришел, хочет с тобой поговорить.

– Савинцев, ты что, в трубе сидишь?

– Лежу, товарищ двадцать четвертый!

– Ну, полежи, со смертью не заигрывай. Наши идут вперед.

– Ну-к что ж, потерплю... – согласился Матвей и уныло опустил трубку.

Когда снаряды начали рваться гуще, Матвей осторожно выглянул, приподнялся, осматривая поле с бабками снопов, и вдруг радостно забормотал:

– Эй, фриц, ни хрена же ты в крестьянском деле не смыслишь! Сколько снопов в бабку ставится. Пять! А у тебя почти десяток. Погоди-и, научишься ты у меня считать...

Матвей схватил трубку:

– «Заря»! «Заря», двадцать четвертого мне.

– Нет его, ушел к пехотинцам.

– Слушай, сынок! – захлебываясь и спеша заговорил Матвей. – Снайпера я отыскал, в бабке сидит. Она больше других и в аккурат против тех изб, от которых саперы драпали. Охота мне самому его, зверюгу, стукнуть, да несподручно из трубы.

– Айн момент, позвоню в штаб батальона. Они его из минометов угостят...

– Проворней давай...

От нетерпения Матвея стало колотить. Сунул он руку в карман и стал громко ругаться:

– Асмодей! Растяпа! Табак-то весь замочил!.. Секунды тянулись мучительно медленно. «Неужели не найдут?» – ругаясь, думал он и в то же время чутко прислушивался. Рывкнули минометные взрывы.

– Там! – восторженно Матвей и уже смелее высунулся из трубы. Бабки не было, только клочья соломы оседали на землю.

– Так тебе, стерве, и надо! – закричал Матвей... и вдруг осекся, взглянув на пойму ручья. По ней двигались четыре фашистских танка, за ними, не стреляя, бежали немцы.

– «Заря»! «Заря»! – не своим голосом гаркнул Матвей, но «Заря» не отвечала.

– «Москва»! «Москва»!

– Слушаеґ «Москва», чего ты как с цепи сорвался?

– Кончай болтать, давай скорей пятого, тут танки прут.

– Где танки, товарищ Савинцев? – слышался голос командира дивизиона.

– Товарищ майор, то есть товарищ пятый! – пугаясь, закричал Матвей. – К трубе подходят уже, бейте скорее! Отсекут пехоту!

– Без паники, Сдвинцев! Уходи немедленно оттуда! Открываем огонь!

Матвей схватил аппарат, опрометью кинулся из трубы к деревне, потом остановился, махнул рукой и вернулся обратно. Взяв в руки провод, побежал по высоте искать порыв на «Зарю». Матвея заметили. Вокруг него засвистели пули, хлопнул разрыв впереди. Он лег, стараясь теснее прижаться к земле. Танки остановились и начали бить из пушек по высоте. Немецкие автоматчики, обтекая их, бегом пошли в атаку. На склоне высоты засуетились наши, готовясь встречать немцев. В это время беглым огнем ударили гаубицы. Болотистую жижу взметнули первые разрывы, потом еще и еще. Танки, пустив клубы дыма, заурчали и попятились к ручью. Но за ними встала стена разрывов – заградительный огонь.

Матвей заметил, как один танк забуксовал в ручье, остервенело выбрасывая гусеницами жирный торф. Грязное лицо связиста расплылось в довольной улыбке, и он побежал по линии, пропуская провод сквозь кулак. Внезапно его, как пилой, резануло по животу. Яркие круги мелькнули в глазах, зазелено в голове множество тонких колокольчиков, земля под ногами сделалась мягкой, как торф, и перестала держать его. Он упал, широко раскинув руки, и колючая стерня впилась ему в щеку. Пресный и густой запах сухой земли, спелого хлеба, к которому примешивался еще более густой и еще более приторный запах крови, полился в него и застрял в груди тошнотворным комком. Не было силы выдохнуть этот комок, разом выплюнуть густую слюну, связавшую все во рту.

«Попить бы», – появилась первая, еще вялая мысль. Матвей приоткрыл глаза и совсем близко увидел мутный цветок, который колыхался и резал глаза, словно солнечный яркий блик. А на цветке сидел кузнечик, мелко дрожал, должно быть, стрекотал. На то он и кузнечик, чтобы стрекотать беспрестанно. Работник! Но все крутилось в глазах Матвея, в голове стоял трезвон, и он не слышал кузнечика, не узнал обыкновенный цветок – сурепку. Он уже хотел закрыть глаза, но ему мучительно захотелось узнать, какой цветок растет, и даже пощупать его захотелось. Тут он заметил, что рядом с цветком лежит вялый, как будто засохший червяк, провод, и подумал:

«А связь-то как же? Вот беда».

Он попытался подтянуться к проводу и с трудом преодолел полметра. Когда он взял провод в руки, то почувствовал уже себя не таким заброшенным, одиноким на этом скошенном поле, на этой кочковатой высоте. Он приподнял голову, натужился и пополз.

Знал Матвей, нутром чувствовал: пока держит провод в руке, будет и жизнь, и сила. Потными пальцами сжимал он тонкую и горячую жилу провода, сжимал и полз, чувствуя, как накаляется провод, как горячеет под ним земля и раскаленные камни от живота раскатываются по всему телу, давят на сердце. «Только бы при памяти остаться. Доберусь я до порыва», – стараясь не обращать внимания на горячие эти камни, думал Матвей.

Вот и порыв. Матвей отыскал глазами отброшенный разрывом в сторону другой конец провода, собрал последние силы, добрался до него и начал соединять. Но

руки не слушались. Они падали бессильно, а пальцы так занемели, что не чувствовали уже обжигающего провода, не подчинялись Матвею. «Не могу! – с отчаянием и тоской подумал он и, сжав в кулаке оба конца, затих. – Вот силы соберу, тогда».

Тут и нашел Савинцева Коля Зверев, выбежавший на линию: по кошенине тянулась кровавая полоса. Коля перевернул Матвея. Под ним, в бороздке, скопилась кровавая лужица. Земля не успевала впитывать кровь. Коля схватился за пояс, но фляги не было. Тогда он вытащил из кармана огурчик, которым так великодушно угощал его давеча Матвей, раздавил и кашлицу сунул в плотно сжатый рот связиста. На губах Матвея насохли грязь, кровь, мякина. Было ясно, что Матвей кусал зубами стерню, когда обессиливал, но провода из рук не выпускал. Так через эту руку до сих пор и работала связь. Коля попытался разжать кулак Матвея, да куда там! Она будто закаменела – эта увесистая, привычная к тяжелой работе крестьянская рука. Матвей открыл глаза, точно в чем-то удостовериваясь, пристально и долго глядел на Колю, потом с трудом разжал пальцы, пошевелил запекшимися губами:

– На... – А еще через минуту по-детски жалобно произнес, скривив губы: – Худо мне, сынок...

Телефонист хоть и видел, что дела Матвея неважны, но, как умел, начал успокаивать. Говорил он обычные в таких случаях слова:

– Ранение пустяковое, и не с такими выживают, а ты мужик крепкий, сибиряк. Я вот тебя перебинтую, и порядочек. В госпитале залечат. Знаешь, какая у нас медицина, будь спокоен.

Матвей поморщился:

– Не об этом я. Плохо, что фрицев прозевал... Сколько пехотинцев-то пострадало, поди. И все этот снайпер проклятый...

– Да брось ты каркать на себя! И что это у вашего брата, деревенских, за привычка? – грубовато бубнил Коля, не переставая бинтовать живот Матвея и стараясь делать это так, чтобы тот не увидел раны. – За сегодняшнюю работу тебе сто благодарностей полагаются, а ты вон чего городишь, – продолжал он отвлекать Савинцева разговорами.

Матвей покосился на него и тихо, но сурово сказал:

– Зря ты бинт переводишь и рану от меня прячешь зря. Как стукнуло, сразу понял, что каюк... – И, чувствуя, что времени остается мало, расходуя последние силы на то, чтобы говорить деловым тоном, он принялся распоряжаться:

– Значит, напишешь домой все как следует быть и всю мою последнюю заповедь исполнишь. Коля хотел было возражать, но Матвей строго взглянул на него и слабеющим голосом, но обстоятельно, продолжал:

– Стало быть, напишешь, погиб я в бою, честь по чести, чтобы Пелагея и земляки мои не сомневались. Та-ак. – Матвей замолк, задумался, и веки его начали склеиваться. Тогда он сделал над собой усилие и, точно боясь, что не успеет договорить, скороговоркой и уже со свистом добавил: – Напиши... сразу, мол, отошел... не мучался... – и уже совсем тихо, роняя бесильную голову, прошептал: – Это пропиши обязательно!

Коля Зверев завыл и затопал ногами.

– Да какое ты имеешь право заживо в могилу оформляться?!

Ты есть сибиряк! Понятно?! И ты живой будешь! Понятно?!

Матвей приоткрыл печальные глаза, по-отечески снисходительно глянул на Колю:

– Эх, сынок, сынок! Поживешь с мое, больше понимать будешь. Деревенские мы люди, привыкли, чтоб все по порядку было, чтоб ничего не забыть в последний час... Э-э, где тебе понять! Прости, если словом обидел...

Потрескавшиеся губы Савинцева сомкнулись, а верхняя губа его запала под нижнюю. Тяжкая боль навалилась на человека, ломала его силу, выдавливала стон. На скулах обозначились желваки.

Коля спохватился, поднял грузного Матвея на плечи. Дивясь тому, что у него откуда-то взялось столько силы, Коля понес Савинцева напрямик через кукурузу, подсолнухи и хлеба, к деревне. На губы Коли падали слезы, смешанные с потом. Он хотел их удержать – не мог, хотел дернуть рукавом по лицу – руки были заняты. Тогда Коля принялся сердито кричать:

– Деревенские мы... А мы, думаешь, кто?.. Я, может, сам. Я, может, пуще отца родного чту

тебя... А ты... Эх ты... – И чувствуя, что Матвей все больше тяжелеет, обвисает на нем, он громко запричитал: – Слышишь, Мотя, не помирай!.. Слышишь, потерпи маленько...

Но Матвей ничего этого уже не слышал. Перед ним колыхалось бесконечное ржаное поле. От хлебов лились сухость и жара. Он совсем близко увидел колосок, похожий на светленькую бровь младшего сынишки. Он потянулся губами к этому колоску, но вместо колоска перед ним очутился сибирский цветок – жарок, похожий на яркий уголь. С цветка снялся пучеглазый кузнечик и с нарастающим треском помчался на Матвея. Вот он затрещал, как лобогрейка, потом, как трактор, потом, как самолет. Он гремел, надвигался, давил, подминал и обрушивался тяжким ударом на голову. Мир раскололся от яркой молнии пополам, образовав огромную черную щель. В щель эту сначала огоньком, затем раскаленным шариком и, наконец, маленькой искоркой летел Матвей Савинцев, пока не угас.

Земля, пахнувшая дымом и хлебом, приняла его с тихим вздохом.